

КУЛЬТУРА СЕМЕЙНОСТИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

УДК 316.6

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>

Кирилл Александрович ТЮРИН,

аспирант Южно-Российского гуманитарного института,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ противоречий и тенденций развития культуры семейности в современном мире. Культура семейности рассматривается как один из ведущих факторов обеспечения устойчивого развития российского общества не только с точки зрения демографической проблематики, но и в аспекте утверждения преемственности его нравственной основы. Ключевым компонентом культуры семейности является выстраивание ценностно заинтересованного отношения членов семьи к формам внутрисемейной коммуникации вне зависимости от внешних социальных, инфраструктурных условий. Траектория эволюции семьи в ситуации модерна и перехода от патриархальной традиционной социальности к постиндустриальной и изменения роли городской среды в этом переходе говорит о постепенном выделении самостоятельных форм семейной жизни в качестве приоритетного направления культурного целеполагания. Главной целью статьи является обоснование доминирующей роли семейности в опыте самосознания индивида и утверждении самой семьи как ключевой ценности, способствующей укреплению целостности и цельности посткризисного российского общества. Объект исследования – современная семья; предмет исследования – семейность и семейные отношения в единстве своих исторических и аксиологических граней. Теоретические основы и методология исследования опираются на комплексный социокультурный подход, в рамках которого структурно-функциональные (полорольевые, институциональные) и ценностно-смысловые грани семейной жизни рассматриваются в единстве. Семейность как форма связи и отношений между близкими родственниками исторически сложилась в качестве наиболее гармоничного способа сохранения традиционной культурной идентичности личности. Материалом исследования является концептуальное обобщение основных тенденций развития семьи в масштабе перехода от традиционно-патриархального уклада к современному. Результатом исследования стали выявленные противоречия динамики семейности и семейных отношений в условиях влияния западной гедонистической идеологии. Популярность и «гламурная» стилистика идеи гендерного «партнерства» и альтернативных практик организации половых отношений внутри традиционной семейной структуры приводят к обратному результату: семья оказывается для индивида суммой внешних рамок, в которых личный жизненный «сценарий» отчужден.

Ключевые слова: семейность, семья, патриархат, советская семья, гендерное партнерство, модерн, урбанизация, ценности, традиция, институт.

Для цитирования: Тюрин К. А. Культура семейности: вызовы времени // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. №1 (52). С. 31–45. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>

THE CULTURE OF FAMILIALITY: CHALLENGES OF THE TIME

Kirill A. Tyurin,

Postgraduate student of the South Russian Humanitarian Institute,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: kirillturin161@gmail.com

Abstract: The article analyzes the contradictions and trends in the development of family culture in modern Russian society. Family culture is considered as one of the leading factors in ensuring sustainable development of society not only from the point of view of demographic problems, but also in the aspect of asserting the continuity of its moral basis. The key component of the family culture is the development of value-oriented attitude of family members to the forms of intra-family communication regardless of external social and infrastructural conditions. The trajectory of family evolution in the situation of modernity and the transition from patriarchal traditional sociality to post-industrial sociality and the changing role of the urban environment in this transition suggests the gradual allocation of independent forms of family life as a priority direction of cultural goal-setting. The main purpose of the article is to substantiate the dominant role of familiarity in the experience of an individual's self-consciousness and the affirmation of the family itself as a key value that contributes to strengthening the integrity and wholeness of post-crisis Russian society. The object of the study is the modern family; the subject of the study is family and family relations in the unity of their historical and axiological facets. The theoretical foundations and methodology of the study are based on a comprehensive sociocultural approach, within the framework of which structural-functional (gender, institutional) and value-meaning facets of family life are considered in unity. Family life as a form of connection and relations between close relatives has historically developed as the most harmonious way of preserving the traditional cultural identity of the individual. The material of the study is a conceptual generalization of the main trends in the development of the family in the scale of transition from the traditional-patriarchal way of life to the modern one. The result of the study is the revealed contradictions of the dynamics of family dynamics and family relations under the influence of Western hedonistic ideology. The popularity and «glamorous» style of the idea of gender «partnership» and alternative practices of organizing sexual relations within the traditional family structure lead to the opposite result: the family turns out to be a sum of external frameworks for an individual, in which the personal life «scenario» is alienated.

Keywords: familyhood, family, patriarchy, Soviet family, gender partnership, modernity, urbanization, values, tradition, institution.

For citation: Tyurin K. A. The culture of familiarity: challenges of the time. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2024, no. 1 (52), pp. 31–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-152-31-45>

Постановка проблемы

Для подавляющего большинства россиян именно семья сегодня выступает наиболее надежным островком стабильности в сложном быстро меняющемся мире, основой жизненной самореализации и способом достижения определенных горизонтов собственного пути. На уровне обыденного восприятия весь смысл социального существования получает в семье свое реальное воплощение и воспринимается практически всегда сквозь призму проблем, актуальных внутри семьи и для семьи. Прежде всего в таком ка-

честве семья воспринимается как супружеский союз, перетекающий со временем в союз родительский. Рождение детей, их воспитание, образование и многостороннее утверждение в качестве авторов нового самостоятельного жизненного проекта (с последующим появлением внуков), рассматривается родителями, как правило, в качестве конечного пункта прибытия семейного ковчега. Пункта, в котором они еще сами, непосредственно, могут переживать реализацию или даже готовый итог выбранной ими самими когда-то в молодости стартовой (такой же авторской) жизненной позиции, приватной «философии», значимой именно своей судьбоносностью. – Такова наиболее распространенная и довольно устойчивая схема, посредством которой семья первоначально выступает для индивида основой его личного самоопределения, ценностного выбора, мировоззренческого «взросления» [7; 10].

Наполнение этой схемы *живым* интимно окрашенным и творчески продуцируемым содержанием – дело, реализуемое в опыте семейности как определенного формата культуры личности, который можно условно назвать *культурой семейности*. Сам термин «семейность» характеризует установку на ценность семьи. Когда в повседневной жизни говорят «он по характеру человек семейный», то имеют в виду как раз то, что, что человек ставит семью во главу угла, ценит ее и трудится ради нее. По нашему мнению, именно «*культура семейности*» является на сегодняшний день ключевой категорией аналитического раскрытия особенностей кризисной и посткризисной трансформации как института семьи в целом, так и его ценностного, смыслового измерения. Вне такого измерения практически невозможно уловить связь между процессами духовной реинтеграции общества и его нравственного оздоровления и укреплении семьи. Данное обстоятельство играет важную роль в характеристике современной российской семьи, пребывающей последние десятилетия, фактически, в положении незавершенного перехода (транзита) от одной масштабной макромодели создания человека, к другой [1].

В семье закладываются все основные жизненные установки будущей личности, формируются ее когнитивные, коммуникативные и ценностные структуры. Но настоящая проблема заключается в том, что сама семья должна утверждаться, сохраняться и творчески свободно развиваться в мировоззрении человека не только в качестве *истока* его жизненного пути, но и как предмет его личностных усилий, желаний, предпочтений, наконец, труда. Лишь в этом случае может быть обеспечена жизнеспособность семьи не только как нормативно и инструментально закрепленного социально-культурного института, но и как желательного для самого человека образа жизни, мышления, внутреннего момента его самосознания. Так семья, как некий горизонт личности, и сможет выступать устойчивым способом связи индивидов, поколений, основой безболезненной эволюционной смены традиций. Лишь в таком случае она может способствовать достижению прочно-

сти и стабильности всего общества и государства. Потому что только через семью, с которой человек соотносится чувственно и *ценностно*, интимно заинтересованно, общественные новации могут обретать в его глазах легитимный характер. Не случайно сегодня на государственном уровне официально утверждается концептуальный характер политики поддержки семьи, которая постепенно обретает черты системной целенаправленной работы.

Одна из основных причин глубокого культурного травмирования российского общества в конце XX в. и заключалась в кризисе и частичном обрушении культуры семейности. Идеал советской семьи утратил свою фундаментальность, значимость в опыте рядового гражданина страны вместе с уходом советской государственности. При этом обретение каких-то новых смысловых очертаний семейной жизни, помимо функций деторождения, удовлетворения половых потребностей и освоения семейных форм ведения бизнеса (пришедших вместе с западной модой), не произошло.

Вызовы, с которыми столкнулась постсоветская семья, есть вызовы именно *культуры семейности*. От конструктивного ответа на них зависит в том числе и решение стоящей перед страной труднейшей задачи обеспечения демографической устойчивости общества. Активное материально-инфраструктурное стимулирование института семьи вряд ли достигнет конечной цели, если сама семья из простой социальной «оболочки» витальной нужды и общественно узаконенной формы отношений между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, не перерастет в *самодостаточную ценность, актуальную для жизнетворческого самоутверждения человека*.

Культура семейности: границы явления в современном контексте

Считаем необходимым предложить рабочую дефиницию культуры семейности. – *Культура семейности есть исторически обусловленный способ выстраивания общительной связи между членами семьи, в котором сама эта связь, ее форма и содержание, выступают ведущими ценностями в опыте самосознания человека*.

Ключевым элементом культуры семейности выступает не только осознание человеком принадлежности к определённой семье (фамилии), но и способы отношения к данной принадлежности – *семьецентризм*. Отсюда проистекает динамизм культуры семейности и ее креативный потенциал: семья не только «материал» или средство для личностного роста, но и его форма, цель.

Культура семейности включает в себя культуру супружеских отношений, различные *аксиологические и смысловые аспекты института брака, специфику отношений родителей и детей, сохранение и укрепление межпоколенческих связей*. Но она не сводится ни к одному из этих (или любых

иных) компонентов. Культура семейности есть культура определенного *типа коммуникации*, организации совместного быта и создания специфически семейных артефактов (в том числе общее жизненное пространство, дом, «очаг», традиции семейных праздников, застолий и т. п.) [12]. Она включает в себя ценности любви, помощи, дружбы, понимания и уважения, возраста (уважение к старшему поколению дедушек и бабушек), но определяющей ценностью является *сама наличная семья*. Культуре семейности свойственен определенный *эстетизм*. «Так принято в нашей семье» – утверждение, обладающее порой канонической силой, способной побороть даже экономические или иные внешние невзгоды времени или обстоятельств. Сама семейность и есть, другими словами, то, что *ценно само по себе*. Она как ценность не тождественна нормативно или ригористично толкуемому формату «правильного» взросления индивида. Культура семейности, кроме того, не является исторически обусловленной компенсацией социального или психологического одиночества. И она не складывается автоматически лишь в силу природных факторов полоролевого различия. Как и всякая культура вообще, семейная предполагает *возможность* обретения новых смысловых градаций в жизненном опыте конкретного индивида. В этом – ее несомненное ценнейшее обретение в истории человеческого сообщества.

Обратим внимание, что в современном российском медийном пространстве существует своеобразный «жанр» авторского или журналистского повествования об истории семьи того или иного известного политического деятеля, актера, композитора, ученого, врача и т. д. Акцент в таких рассказах всегда делается именно на особой эстетизм, то есть на особые *формы* жизни, которые и склеивали ценность и цельность семейного очага в периоды социальных бурь (1990-е годы). Такие формы порой очень красочны и способны формировать индивидуальный лик традиции семейственности. В таких формах активно включаются не только люди, члены семьи, но и предметы – различные семейные реликвии, памятные сервизы, книги, альбомы, предметы мебели, элементы интерьера родительского дома и другие *вещи*, наделенные особым смыслом только внутри семейного общения и семейного обмена чувствами и мыслями. Для внешнего зрителя такая эстетика преподносится как пример, как знак того, какой творческой и объединяющей силой может на самом деле обладать семья, далеко не сводимая только к браку и рождению детей. Более того, именно семейность как значимая ценность способна сохранять семью в случае нарушения каких-то моральных табу или требований традиции. Например, супружеская измена отнюдь не всегда является достаточным основанием для разрушения семьи. Конечно, желание семьи и желание сохранения семьи не следует рассматривать как подавление личного смысла жизни семейного человека, но отличие семейности в том и состоит, что возникающие на ее пути препятствия, испытания, горести и иные проблемы можно

и нужно решать творчески, сообща, в том числе работая над самим собой. *Культура семейности – это культура труда (радость созидания, совместного строительства), а не просто потребления готового «счастья».* Потому семейность и подлинна; ее просто нельзя заменить обертками или подделками. Сладко, как известно все то, до чего еще нужно дотянуться. Подлинной семейности глубоко чужда всякого рода имитация. Попытки копировать чужую семейность приводят к разрушению реальной семьи.

В основе культуры семейности всегда *диалог*, открытый к внутренней интерпретации, чтению, признанию. Желательным уровнем развития такого диалога в семье является не указующее поучение подрастающего поколения «хорошему» (эффект будет обратный), а включение *личного примера и опыта*. В этом и отличие культуры семейности от культуры школьного или сугубо общественного (коллективного) воспитания: личный пример/опыт усваивается в первую очередь не на уровне знания, а ценностно, чувствительно, на уровне внутреннего *переживания*. Потому диалоговый характер семейности есть способ развития *самосознания* человека, эффективная основа его личностного роста.

Эти характеристики культуры семейности не раз становились предметом художественного осмысления в старинном русском фольклоре, классической литературе, советском и российском кинематографе. Семейный конфликт как сюжет (если, конечно, это не детектив и не историческая драма) и был прежде всего конфликтом двух стратегий семейности – иерархической, нормативно-традиционной, жесткой, и семейности диалоговой, творчески-взрослеющей (в качестве примера можно привести известные картины И. Хейфица, Н. Ильинского, В. Краснопольского, К. Исаева, Э. Рязанова, В. Меньшова, Н. Михалкова и др. мастеров кино). В этих координатах складывались любовь и верность молодых супругов, отношения подростков и родителей, моральный опыт старших и младших.

В качестве первичной схемы супружества-родительства-детства, обнаруживаемой приходящим в этот мир человеком (ребенком), семья оказывается совершенно *объективной* реальностью, отношение к которой первоначально выстраивается на уровне витальных потребностей (еда, кров, безопасность или защита, привязанность к родителям и пр.) и не предполагает активного сопротивления со стороны ребенка (даже если семья настоящая, родная, заменена семьей искусственной в детских домах и иных подобных заведениях). Будучи стартовой жизненной площадкой, семья *не отменима, но еще и не достаточна для формирования собственной «взрослой» культуры семейности.* Ценностно окрашенный образ семьи и ее личностные смыслы формируются лишь впоследствии. И здесь уже на прививаемые родителями установки в процессе воспитания/образования накладываются общественные требования, нормы, идеалы, моральные аксиомы или же их антитезисы.

Культура семейности как совокупность личностных установок, целей, потребностей и планов индивида, с этой точки зрения может рассматриваться как своеобразный тест на жизнеспособность транслируемых во времени и встречно направленных (со стороны семьи на уровне личных контактов, примеров, чувств, эмоций и со стороны общества, государства, закрепляющих желательные формы социализации каждого последующего поколения) нормативных и духовных аспектов человеческого существования. Иными словами, именно семейность как жизненный ориентир в индивидуальном прочтении обнаруживает энергию и творческий потенциал усвоенного человеком обязательного набора нравственных координат, этических, эстетических, хозяйственных и иных кодексов.

Ответ на главный вопрос для большинства населения не только постсоветских государств, но и всего западного мира – что такое семья и для чего она нужна каждому – звучит на самом деле просто и одновременно емко. Семья – это союз самых близких кровных родственников (родители, дети, иногда братья и сестры). В современной культуре степень этой близости максимальна, а значит масштабы семьи и семейственности стали сегодня существенно уже. Семья на самом деле мало кем полностью отождествляется просто с родственниками. Кровное родство само по себе перестало быть определяющим критерием семейности как самой жизненной установки, обладающей существенным культурным потенциалом. *Желание иметь семью* отнюдь не тождественно желанию обладать кругом близких по крови родственников. Дистанция между кровным родством и родством семейным говорит о приоритете духовной сердцевины семейного средоточия по отношению к природным факторам, о том, что внутри современной семьи предполагаются такие феномены как *дружба, любовь, взаимная поддержка, помимо отношений, диктуемых природой или силой одной лишь наследуемой традиции или предписываемой нормы*.

Причины такого глубокого рассогласования имеют свою историю и в целом помогают наглядно представить траекторию эволюции как структуры общества, так и культурных механизмов утверждения *личности* в качестве одной из универсалий. *Семья* – другая фундаментальная и одна из наиболее древних таких универсалий; исторически старшинство принадлежит именно семье, а не личности. Феномен личности, по крайней мере, в западном обществе, это не только духовный, мыслительный, центр, стержень самосознания и нравственного совершенства. Личность – это еще и *собственник*, индивид, у которого есть тело и *частное жизненное пространство*, особое чувство *времени*, личные «места», «часы», желания и потребности, связанные с ним самим, доступные и понятные лишь ему, и скрытые от других, неизвестные им. Личность – сама есть всегда тайна и она всегда обладает некой тайной. Что является одним из условий ее суверенности по отношению к обществу. До тех пор, пока эта частная жизнь сохраняет

свои внутренние ресурсы, общество не может сломить личность. В то же время, никакая тайна и никакие интимно открываемые ценности не могут выступать прочным фундаментом личности, если в них отсутствуют другие люди [14].

Культура семейности – наиболее прочный из исторически сложившихся вариантов гармонизации процессов самоутверждения человека как обособленного «я» и как связанного природными и социальными нитями с другими людьми.

Культура семейности уже в современном контексте является своеобразным индикатором нередко болезненной и драматичной трансформации готовности человека *разделять с другими* собственный жизненный проект (сценарий), то есть быть *личностью* в самом высоком нравственном смысле этого слова (представленном в западной и отечественной классической литературе и философии). Семейность очень быстро превращается в пустой знак, навязанное извне или по ошибке выбранное бремя, если в ней умирает общность смыслов и ценностей, общность реализации и удовлетворения тех или иных потребностей, наконец, общность мечты (как совместного будущего). То же можно сказать и об общности в толковании прошлого (единство биографического и автобиографического сюжетов и нарративов), в силу чего история семьи обретается всякий раз как *наша* история, а не история лишь *моя* или *твоя*.

Вопрос, сформулированный выше и интуитивно понятный, наверно, абсолютно любому представителю современного общества, – «для чего нужна семья?» – как ни парадоксально, вовсе не следует прямо из желания иметь семью. Желание иметь семью не производно лишь от желания обрести постоянного сексуального партнера и родить впоследствии ребенка, тем самым зафиксировав в будущем собственную фамилию, или же получить какие-то гарантии неодинокости старости. Потребность в продолжении рода, в обеспечении минимального жизненного комфорта, безопасности и обустроенности собственного жилища и т. п. не являются *сами по себе* исчерпывающим основанием для появления и реализации желания семьи. Это желание носит *синтетический характер*, не сводимый к каким-то отдельным, пусть и очень важным в жизни каждого, компонентам.

Цели существования семьи может определять и общество. Сама конструкция семьи как союза полов с целью ведения совместного хозяйства, рождения и воспитания детей, трансляции каких-то традиционных идеалов, носит достаточно «сквозной» универсальный характер. Нередко человек может желать семью, но не стремиться к ее наполнению привычными «обкатанными» элементами. Как показывает практика современного семейно-строительства, в том числе в нашей стране, тот же брак «по любви» может сочетаться со стремлением человека найти в любимом также и *друга, что не исключает наличия друзей за пределами семьи*. В семье, таким образом,

дифференцируются различные уровни и сегменты, не редуцируемые друг к другу и не отменяющие ценность высокой любви между супругами (или между родителями и детьми). О ряде противоречий и опасностей, таящихся в современной трактовке отношения между желанием семьи и потребностью в определенном символическом, смысловом и аксиологическом содержании семейной формы существования в связи с развитием новейших тенденций массовой культуры с ее культурами гедонизма и потребительства как раз и следует сказать особо.

Семейность и семья. Традиции и новации

Кратко напомним, что в патриархальном обществе наличие или отсутствие совпадения внешней (нормативно заданной) конструкции семьи и семейности как личного/совместного проекта индивида/индивидов вообще выходило за рамки частного самоопределения личности. Основа патриархата (причем, не только внутри европейского цивилизационного очага) – *сила традиции, украшенная мифопоэтической или религиозной символикой*, и исходящая из особых условий жизни, производства и самосохранения доиндустриального общества. Только через семейные связи и отношения (как определенную матрицу самой культуры) отдельный человек получал «вход» в систему публичных институтов и доступ к различным благам общества. Семья – тот «круг лиц», который даровал индивиду права, но и накладывал весомые обязательства. Например, большая крестьянская семья – это своего рода община, связанная прежде всего узами хозяйственными, трудовыми, властными (даже если во главе стояла мать, а не отец) [3, с. 83]. Аналогично большая аристократическая семья. Например, в средневековой Европе. Кровное родство в ней, конечно, было одним из ключевых критериев принадлежности, но не уступавшим самой *фамилии*, хотя последняя могла сводиться к пустующему знаку, «факсимиле»: «Слова делают вещи» [8, с. 38]. Принцип старшинства и кровной близости часто совпадали и выступали вкупе против культуры семейности как особой культуры интимного («приватного») и приятного общения, способного искренне радовать человека. «Приватность состояла в свободном выборе сообщества, позволяющего пожить другой жизнью, вне обыденных забот. Будь они женскими, учеными, дружескими, юношескими, тайными или открытыми, всем им была свойственна радушная интимность отношений, которая, по-видимому, не предполагалась в семейной жизни» [6, с. 449].

Яркий пример – судьбы королевских династий в странах Западной Европы в XVII–XVIII вв. Известно, что в Версале особое положение «принцев и принцесс крови» выражалось в укреплении ритуала и церемониала института абсолютной монархии [9]. Тогда как *семья* самого монарха в привычном нам смысле слова образовывала совершенно иной во всех смыс-

лах мир, отделенный и пространственно (архитектурно), и символически, и коммуникативно [13]. «Принцы крови», как и тело самого Короля, были доступны абсолютно всем подданным, тогда как доступ в «семью» – это особая милость-привилегия, получить которую могли лишь те, в ком был заинтересован *отец, брат, муж, сын или внук* – любая из «ролей», которую *желал* играть Король помимо своей главной профессиональной роли – роли Короля. С чем были связаны проблемы так называемых морганатических браков и браков династических. Если говорить о водоразделах, отделявших «старый режим», сословно-монархический, от модернового, связанного с развитием городов, промышленного капитализма и гражданского общества, то следует указать как раз на *изменение статуса и роли культуры семейности* как один из ключевых показателей, отражавших в том числе смещение приоритетов и ценностей в опыте самосознания личности.

В индустриальном и тем более постиндустриальном обществе дистанция между фамилией и кровными узами постепенно увеличивается. Культура семейности в дореволюционной России была подвержена тем же тенденциям, что и в странах европейского региона. Кроме того, судьба уже современной российской семьи в немалой степени определяется и непростым наследием советского времени и очевидными для него противоречиями между ценностями общего и частного. Идеал «большой советской семьи» (и всего советского народа как одной «большой семьи») все-таки остался идеалом; *крепкие советские семьи были крепки именно семейностью, частной традицией, которая далеко не всегда находила свое идейное оправдание и подтверждение на уровне официальной* социально-педагогической аксиоматики (в СССР она частично воспроизводила утопические проекты прошлого, связанные с идеализацией воспитания нового поколения). Авторитет школы в деле нравственного роста всегда был выше семейного назидания.

Следует отметить и еще одну черту советского времени: в самых больших городах, Москве, Ленинграде, столицах Союзных республик, крепкие семьи были более устойчивы к социальным изменениям, хотя и были оторваны от патриархальности деревенского типа. А вот города малые и средние, в которых активно шли коммунистические стройки и «сверху» насаждалась «культура советского быта» [5], оказались в итоге социально-культурной средой более враждебной по отношению к семье и семейности. По-видимому, причина заключается в том, что отрыв от традиционности патриархального типа не был компенсирован культурным и житнетворческим потенциалом, сосредоточенным в столичной среде. «Переезд в город» для новых советских семей в первую очередь означал получение материальных благ и жизненного комфорта, своего жилья, стабильной работы, карьеры и прочих составляющих престижного по советским меркам социального существования. А вот *культура семейности, семья как самоценность, оказались на втором плане*. За небольшой по историческим меркам промежуток 1960–1980-х

годов, когда активно и шел процесс советской «урбанизации» и сами провинциальные города прирастали всем известными районами и кварталами, культура семейности, отпочковавшаяся от деревенских обычаев, сформироваться *просто не успела*. Она оказалась *подменена культурой быта*, примерно равного для всех потребления, семейного досуга (возможность сходить в кино или в ресторан всей семьей), но не новых ценностей личностного самосознания.

В современном российском (и западном) обществе отношения семьи и семейности, несмотря на наличие внешней свободы, складываются далеко не всегда гармонично. По мере собственного развития, создания новой микромоделей общества («ячейки»), решения сопутствующих духовных, материальных, коммуникативных и иных проблем, человек может покорно принимать или творчески перерабатывать изначальный проект семейного «домостроительства» и жизнотворчества или же может вступать в конфликт с заложенными в родительской семье представлениями о личном «счастье» и смысле индивидуального существования. В этом случае у такого конфликта, как известно, может быть два варианта разрешения. Или он завершается углублением и ростом самосознания человека как как семьеориентированной стратегии и тогда семейный союз сохраняется и даже получает обновленные внутренние импульсы, расширенную мотивационную базу совместной жизнедеятельности супругов/родителей или же распадается сама семья. Во втором случае конфликт выносится за грани внутреннего опыта индивида, проецируется на внутрисемейные связи и отношения, в том числе межпоколенческие. Дело в этом случае заканчивается поиском «виновных», перераспределением ответственности, смещением в область важного, но *прошлого* опыта, ценностный выбор при этом делает крен в сторону индивидуалистичного толкования и предпочтения. Традиционные скрепы семейной жизни (общая собственность, совместные проекты супругов, «инвестиции в детей» и пр.) превращаются чаще всего во внешние рамки, которые тяготят и трактуются как необходимый, но минуемый этап личного пути.

Нередко одним из результатов подобного распада семьи становится поиск и обретение *нового партнера*, удовлетворяющего потребность в «новых» или просто «других» отношениях. Удивительная и драматичная метаморфоза многих современных российских семей. И если в трудные с социально-экономической точки зрения 90-е годы кризис семьи и семейных ценностей находил свое объективное основание и оправдание в нерешённости целого ряда первичных жизненных проблем (жилье, средства для создания собственного, отдельного от родительского, очага, на воспитание/образование/лечение детей и т. п.), то в последние десятилетия семья оказалась словно в ловушке собственного же общественного (материального, инфраструктурного, правового) обустройства. Рост благополучия, особенно в последние

годы, в том числе благодаря значительным усилиям со стороны государства (материнский капитал, льготные формы жилищного кредитования и пр.), институциональная поддержка материнства и детства, призывы СМИ однако, не приводят к снижению внутренней конфликтности культуры семьи и семейности.

Традиционно понимаемая семья (и привычная российскому обществу, унаследовавшему богатый опыт советской социальной психологии, педагогики и культуры быта) из своеобразной преамбулы любого жизненного сценария превращается все чаще в «метафорический эпиграф к будущей книге». Развитие же ее сюжета происходит порой совершенно непредсказуемо в том смысле, что общественно задаваемые критерии «семейного счастья» (при всем понимании его индивидуальной природы) на первый взгляд оказываются полностью реализованы. Отнюдь не подводные рифы быта, нужды, навязчивой и излишней родительской опеки (иногда сочетаемой с отцовской или материнской ревностью) выступают ныне с угрозой крушения семьи и обесценивания смыслов совместного семейного проекта. Если обратиться к информационным потокам в СМИ и сетевых кейсах мировой «паутины», то становится очевидно, что попытки закрепить ведущий характер ценности семьи носят односторонний характер и все чаще *исходят из доминирования института брака, а также материнства и детства.*

Сотни, если не тысячи страниц, публикаций и интернет-форумов посвящены обсуждению изменения гендерной идентичности мужчины/мужа/отца, с одной стороны, и женщины/дочери/матери, с другой. В качестве новой формулы «семейного счастья» нередко преподносится тезис о семейном *партнерстве* как современный (прогрессивный) вариант издания старого сюжета отношений мужа и жены, отвечающий либеральному духу современной культуры с ее прозападной идеологией феминизма и так называемой «новой морали». Именно с этим тезисом связаны многочисленные вариации на тему альтернативных форм брака и способов связи родителей и детей. Такие формы семейности как гостевой брак, групповой брак, виртуальная семья, однополая семья, уже не являются культурной новацией.

Вызовы, с которыми сталкивается культура семейности в наши дни, связаны с активно превозносимой современным обществом потребностью в *другом* или *новом* качестве отношений между людьми. Речь идет прежде всего, о мужчине и женщине, супружеский статус которых уже не удовлетворяет моде на новизну, на гламур, на стильность, на яркость индивидуального почерка. Если в ситуации глубокого социокультурного кризиса, в который погрузилось постсоветское общество в конце прошлого столетия, именно семья воспринималась большинством населения как надежное убежище от внешних социальных невзгод, как оплот стабильности, преемственности, как точка опоры в выборе ценностной стратегии, то теперь сама стабильность семейности, ее понятность, предсказуемость, становятся факторами

роста дистанции между семьей и ценностными предпочтениями индивида. Мода на всевозможную экзотику межличностной коммуникации и обмена, щедро питаемую западными политическими установками и мифами, иллюзиями массовой гедонистической культуры, неолиберальными стандартами «открытого общества», – симптом времени [4]. Насколько радикальна такая мода? Способна ли она качественно изменить традиционный характер культуры семейности? Ведь не может же семья реальная, пусть и воспринимаемая сквозь призму культа наслаждений, полностью трансформироваться в опыт виртуальной коммуникации.

Главная проблема, как представляется, заключена в том, что все «новые» формы семейности на самом деле структурно и функционально остаются в пределах традиционного образа и самой *идеи* семьи. Если семья исторически всегда выступала выражением двуединой природы человека и способом легитимной организации союза мужчины и женщины с последующим рождением и воспитанием потомства, то все сложившиеся на сегодняшний день в обществе (как в нашей стране, так и в западном мире) каналы, формы и рамки жизни человека в той или иной степени рассчитаны на семью именно в таком «генетически» обусловленном качестве. Даже феминизм и так называемый «постфеминизм», а также иные, свойственные постмодернистской культуре, версии экзистенциального проектирования, исходят из наличия традиционной идеи семьи с ее «разделением труда», иерархией смыслов и ролей [2; 11]. *Поэтому тезис о «новой семье» звучит, как минимум, противоречиво.* С одной стороны, имеется явная претензия на отмену всего привычного и традиционного (не только патриархального, но и характерных для модерна нормативных концепций нуклеарной городской семьи). С другой, постоянно акцентируются и выносятся даже на публичное обсуждение психологические и социетальные проблемы людей, решивших организовать некое новое качество своих отношений внутри прежних лекал.

Поэтому ожидаемо и закономерно возникает вопрос: «новая» семья – это вообще *семья*? Если да (и скорее всего да, следуя логике рассуждений ее адептов), то наверно решение проблемы как раз и заключается в развитии (расширении, углублении и других метаморфозах) *культуры семейности*. А если нет, то, видимо, следует снизить требования новой семьи к обществу и государству в части пользования готовыми институциональными формами и благами, изначально рассчитанными на семью прежнюю, стандартную. Но даже и в первом случае культура семейности будет выглядеть весьма странно. Избавленная от нравственного измерения, от взаимного признания и опирающаяся на превратно толкуемую свободу сожительства или «гендерного партнёрства», семейность будет всякий раз ускользать. Ведь очевидно, что сторонники различных нетрадиционных форм отношений и браков пытаются обрести гармонию и «счастье» вполне традиционные (верность партнера, готовность помогать друг другу, понимать и т. д.). – Противоречие,

требующее как институционального, так и ценностно-смыслового разрешения. На сегодняшний день вряд ли можно уверенно говорить о наличии готового рецепта его преодоления. Ясно одно, что поиск «нового» внутри существующих культурных параметров семейности – далеко не последний для нее вызов времени.

В заключение наших размышлений хотелось бы еще раз подчеркнуть, что культура семейности – *целостное, синтетическое явление*, которое не может быть разъято на отдельные, независимые составные. По своей сути семья не подвластен «моде», «ветрам времени», поскольку является фундаментальным антропологическим феноменом, необходимой биосоциальной формой общежития как полов, так и поколений, формой созидания новых членов общества и местом осуществления лучших коммуникативных качеств человека. Исторически меняясь, проходя через противоречия, семья постоянно воспроизводит «культуру семейности», которая служит эмоциональным и духовным «клеем», позволяющим семье дальше жить и развиваться.

Список литературы

1. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. Москва: Грааль, 2000. 414 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой. Минск: Пропилеи, 2000. С. 297–346.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история / Пер. с фр. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
4. Гидденс Э. Трансформация интимности. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 208 с.
5. Глазычев В. Л. Город без границ. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
6. История частной жизни: Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 720 с.
7. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Москва: НИСП, 2007. С. 75–127.
8. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. Москва: Текст, 2008. 189 с.
9. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях / Пер. с фр. А. Л. Раковой. Москва: Молодая гвардия. 2003. 230 с.
10. Статистика браков и разводов в России. Данные из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce>

11. *Шварцмантель Д.* Идеология и политика / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.
12. *Чирва Д. В.* Охранительная функция семейного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2009, выпуск 4. С. 118–123.
13. *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
14. *Элиас Н.* Общество индивидов / Пер. с нем. Москва: Праксис, 2001. 336 с.